

топить надобно. Была у нас лошадь серая: упряжь चु- десная, да запрячь не во что.

— Ступай, — говорит мне дедушка, — запрягай лошадь, поезжай в лес за дровами.

Я надел кафтанншко худенький, заткнул топор за пояс, сел верхом и поехал в путь. Еду рысью скорою, а топор тыц да тыц, и перерубил мою лошадь пополам. Оглянулся назад — ан на одном пережке еду: задок далеко отстал. Я кликать, я звать — прибежал задок. Что дошло думать, составил две половинки, смазал глиною, дал шпоры под бока — и откуда прыть взялась!

Приехал в лес, нарубил дров, накатал большущий воз и привязал веревкою за хвост. Как крикну — лошадь сторяча хватила, по уши в грязь угодила.

Я за дедом; тот был умен, а я догадлив: взялись оба за хвост и ну тянуть; тащили-тащили, да шкуру долой и стацили! Дед голосом завыл, я заголосил. Не на чем было ехать; приходим домой и горюем.

Только глядь в окно, а лошадь наша стоит у ворот, сама пришла. Дед засмеялся, я захохотал: лошадь-то дома, а шкура в барышах достается.

У нас на дворе рос высокий дуб; усмотрел я, что на том дубу много птиц водится, и полез добывать дичинки. Я лезу, а дуб все растет да растет, и упер верхушкою в небо. Пришло мне на мысль: дай пошушу, крепко ли небо? Только рукой за край взялся, дуб под мной и свалился; повис было на одной руке, да потом ухитрился и возвратился на небо.

День хожу, и два, и три хожу; совсем отоцал-исхудал: есть-то нечего! С той худобы завелся вши немалые; а я догадлив был, принялся их ловить, шкурки драть да ремешки кроить; свил веревочку, привязал за край неба и начал спускаться. На беду не хватило веревочки. Пришлось бы мне долго висеть промеж неба и земли, да мужик вышел овец ветвь: несет ветерком ко мне полову (*мякину*), а я-то ловлю да веревку выю.

Ни много, ни мало прошло времени, перестал мужик овец ветвь, а веревки все не хватает. Что тут делать? Была не была, прыгнул наземь и попал в трясины; по самым уши утонул.

Сижу день, и два, и три; волгоса ветром разбыло. Прилетела утка, свидя себе на моей голове гнездышко и снесла яичко. Я хотел было взять яйцо да съесть, уж

руку протянул, да одумался: пусть еще снесет, тогда за один раз наемся.

На другой день снесла утка второе яичко; а я себе на уме: подожду еще денек, авось снесет третье. Наутро слышу я — шум шумит: идет волк боголомом; подошел к гнезду и поел яйца; поел и хочет назад идти, а я тем временем намотал хвост его на руку и крикнул во все свое горло.

Волк с испугу бросился в сторону и вытащил меня из трясин.

Воротился я домой; дед засмеялся, я захохотал; тут и батька мой родится.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, № 419, 423. Самые распространенный тип присказок и небылиц в русском фольклоре, основанный на разрушении привычных логических связей, создания небыдл, абсурда. «Изображение обычного в перевернутом виде, — отмечает современный исследователь В. Н. Пугилов, — один из старейших приемов народной эстетки комического. Народной смеховой культуре назавна свойственны приемы переодевания, придания знакомому «обратного» вида и состояния, нагнетания абсурдного, комическая игра в невозможное».

Обратим внимание, что во второй рассказ ведется от лица ребенка. Подобные небылицы широко бытовали не только во взрослой, но и в детской среде. Северные небылицы известны в обработке Стенана Писахова.

НЕТ КОЗЫ С ОРЕХАМИ

Сидит козел да плачет: он послал козу за орехами; она пошла и пропала.

Вот козел и запел:

Нет козы с орехами,

Нет козы с калеными!

Добро же, козел! Пошлю на ты волка.

Волки найдут козы гнать:

Нет козы с орехами,

Нет козы с калеными!

Добро же, волки! Пошлю на вас медведя.

Медведь найдет волков драть,

Волки найдут козы гнать!